

Александр Георгиевич ЕМАНОВ —
зав. кафедрой истории
древнего мира и средних веков факультета
истории и политических наук, профессор,
доктор исторических наук

УДК 940. 1

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАФЫ XIII–XV ВВ.*

АННОТАЦИЯ. В статье продолжается исследование феномена полиэтнической культуры средневекового города Кафы. Акцент делается на зарождении собственной городской хронистики как фактора осознания не только политико-правовой, но и культурной суверенности города. Как особая форма историописания представлена меморативная традиция увековечивания памяти о выдающихся событиях в жизни города в надписях на каменных плитах.

In article proceeds the research of polyethnic culture of medieval city of Caffa. The accent is made on the origin of urban chronistics as a factor of comprehension of not only political-legal, but also of cultural sovereignty of the city. The author concentrates upon tradition to commemorate outstanding events and citizens in the inscriptions upon stone plates.

До сих пор культура средневекового города рассматривалась в контексте конфессиональной самоидентификации урбанистической общности, развития присущего ей особого образовательного пространства, складывания специфических форм интеллектуальной коммуникации, находившей выражение в ориентированной на публичность литературной деятельности. Наличие конфессиональных институтов епископского статуса, равно как и образовательных учреждений, приближавшихся к университетскому уровню, и, несомненно, интеллектуальной элиты выступают определяющими критериями конституирования города как такового. Другим, на мой взгляд, нормативным критерием городского развития должно выступать складывание собственного историописания в форме городской хронистики. Городские хроники не просто фиксировали происходящие в жизни общины значимые события, не просто констатировали их, но и предавали гласности то, что было достоянием немногих властвующих, выступали своего рода публикацией городских новостей задолго до возникновения тиражируемых на печатном станке газет и журналов, до появления эфирного вещания. В городской хронистике можно провидеть предтечу масс-медиа, формирующих определенные идеологии, определенные паттерны, объединяющие партикулярный социум в некую общность.

Вопрос о собственной хронистике в Кафе столь же нетрадиционен, как и вопрос о создании в этом периферийном городе школы высшей ступени, именно университета.

Хроникальный жанр в Кафе, согласно существующим мнениям [1], обнаруживает себя слишком поздно — в XVII в. Для XIII–XV вв. судьбы Кафы оказывались частью истории Генуи [2], вновь заставляя говорить о зависимой колониальной организации этого города. Однако подобные оценки, как мне кажется, не учитывают всего своеобразия функционирования исторической памяти изучаемой цивитас.

Прежде всего, определенные элементы зарождавшейся самостоятельной хронистической традиции можно отыскать уже в середине XIV в. Здесь я имею в виду деятельность пьячентинца Габриэле де Муссис [3], находившегося в Кафе в 1344–1346 гг. в качестве магистра права. Кроме преподавания он вел записи о тех событиях, свидетелем которых был, находясь в Крыму. Свое повествование он начал с

* Начало см.: Вестник ТГУ. 1999. № 2. С. 199–205; 2001. № 1. С. 110–116; № 4. С. 27–33.

итальянско-татарской войны 1343–1345 гг., когда во всей Татарию, и прежде всего из Таны, «потянулись на вооруженных судах христианские купцы, ища защиты своей жизни и имущества за стенами города Кафы, некогда основанного генуэзцами в качестве складского места», «тут внезапно,— продолжал хронист,— стали стекаться со всех сторон бесчисленные татары, они окружили город Кафу и осаждали христиан почти три года» [4]. В военное противостояние мусульман и христиан вмешалась стихия: «В это самое время у татар началась эпидемия, от чего все войско впало в панику; ежедневно умирали тысячи. Осажденным казалось, будто стрелы полетели с небес, поражая заносчивых татар...» Габриэле де Муссис с бесстрастностью хрониста описывал симптомы страшной болезни, от которой врачи не могли спасти никого. «Когда татары,— повествовал далее автор,— ослабленные борьбой и чумой... должны были признать, что их численность становилась все меньше, и осознать, что обречены умереть без надежды на опасение, тогда стали они класть зачумленные трупы на катапульты и метать в город Кафу...». Горожане пытались спастись тем, что топили трупы в море. «Вскоре весь воздух был заражен и вода отравлена; поэтому распространилась в городе такая смертность, что из тысячи воинов оставался только один. Но он также был заражен и разносил яд повсюду... заражая болезнью многих людей и целые области. И никто не знал спасения и не мог назвать путь к нему. И так было на всем Востоке и в южных странах, а равно у тех, кто жил на Севере...» [5].

Здесь хроника, как и подобает жанру, приобретает вселенский масштаб. Автор перечислял множество стран и народов — от Китая до Аравии, охваченных великой смертностью. «Думали, что наступил «Последний Суд», — сообщал историк о господствовавших умонастроениях. Сам он чудом избежал смерти и поспешил уехать в Италию [6].

В XV в. действия Константина де Сарра, по поручению консула фиксировавшего рассказ посла в Персии Катерино Дзено, напоминают действия хрониста, обязанного записывать о наиболее примечательных событиях в городе.

Быть может, оговорки и сравнения, скажем с кафскими морозами, генуэзского хрониста второй половины XV в. Б. Сенарега [7] вызваны пребыванием в Кафе в том же качестве составителя несохранившихся хроникальных записей.

Непрочность писанного на бумаге исторического текста должна была ощущаться в Кафе, постоянно переживавшей военные вторжения, гораздо острее, чем в европейских городах. Поэтому уже в XIV в. стала складываться традиция фиксирования в надписях на камне наиболее значительных достижений городской общины — будь то возведение храма или кладка башни, строительство моста или открытие фонтана. Таким образом, в Кафе возникла своеобразная «каменная летопись». В ней, пожалуй, еще отчетливее проявилась общность жизни горожан, принадлежавших к различным конфессиям и этносам. По-моему, в специальной литературе о Кафе пока не отмечалось удивительное наложение готического стиля на еврейскую или греческую письменность в камне; только в самое последнее время исследователи стали отмечать одновременное использование итальянской геральдики (в частности, гербов Чигала и Сан Джорджо) и армянского шрифта, «сельджукской орнаментации» и латинской эпиграфики [8] и т. д.

К созданию подобных «страниц каменной хроники» привлекались резчики по камню из числа греков и армян или мастера глиптики из Италии, например Микал из Падуи, владевший гуманистическим шрифтом [9]. Сочинение надписей поручалось профессорам грамматики и порой заказывалось пользовавшимся известностью ученым, например Кириако Анконскому [10]. Поскольку эпиграфы, точнее сопутствующие им гербы, исполнялись, как правило, в цвете, коммуна нанималась для этой деятельности художники, например Бернабо из Модены [11].

Знаком редкого сосуществования различных, почти противоположных, образных идеологем является уже сам герб Кафы XIV — первой трети XV вв.: тамга Джучидов на латинском геральдическом щите (рис. 1).

Рис. 1. Герб с тамгой
Джучидов

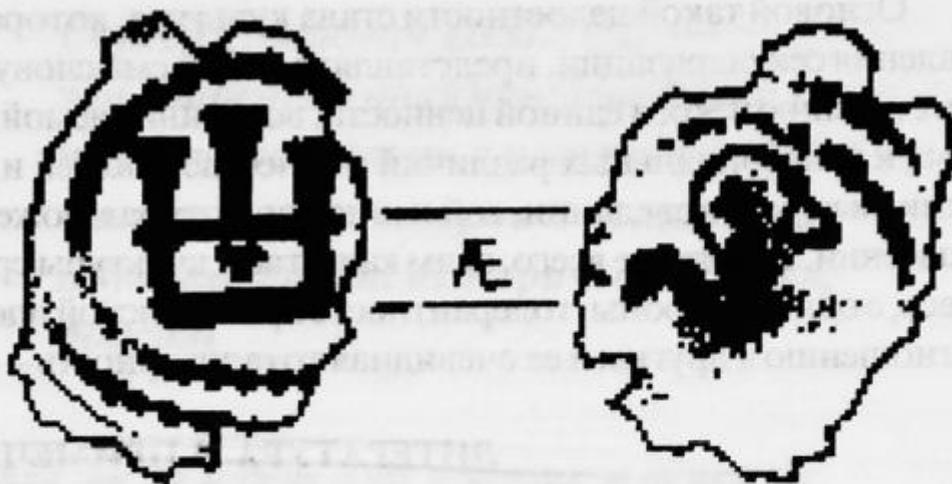

Рис. 2. Монета Кафы с «Генуэзскими Вратами»
и Св. Георгием

Впрочем, в урбанистической символике Кафы еще большее значение имел Св. Георгий, являвшийся Святым патроном города (рис. 2). Этот Святой с равным усердием почитался всеми христианами, какого бы ритуала они ни придерживались — латинского или греческого, армянского или сирийского и т. п. Под именем Джирджис он глубоко чтился у мусульман. И даже у караимов, на протяжении столетий испытывавших тюркское влияние; Св. Георгий обнаруживает аналогии с Тенгри, воинственным божеством, восседавшим верхом на коне. Любопытно, что Святой изображался как в правостороннем развороте, характерном для генуэзской иконографии, так и в левостороннем, присущем греческой традиции и встречающемся на татарско-русской монетной геральдике [12].

Еще одним символом города выступали «Врата», именуемые генуэзскими историками «*Portallo dei genovesi*» [13]. До сих пор не отмечалось отличия собственно кафского символа от того, что создавался в Генуе. Если генуэзский «Порталло» разделялся посередине колонной с двумя романскими арками, то внутри «Врат» Кафы помещалось изображение трехчастной розетки или трех шаров (рис. 2). И тогда общая композиция может восприниматься как сложный крест с тремя вертикалями, центральная из которых выше двух крайних, и тремя опорами (или того, что попирается). Мне думается, что весь знак «Врат» надлежит воспринимать как «*signum communis*» [14], объединявший три главные христианские конфессии — латинскую (центральное положение), греческую и армянскую, возглавлявшиеся епископами, и три нехристианские конфессии — исламскую, караимскую и раввинистскую, со своими духовными главами. Приведенная символическая интерпретация «*signum communis*» Кафы способна объяснить установившийся в XV в. обычай приобретать за счет коммуны 6 больших свечей на крупнейшие праздники годового цикла.

В целом, отмеченная урбанистическая символика только подчеркивает ту тенденцию к общности различных социокультурных составляющих города, которая выявлялась мною на протяжении всего исследования. Эта общность ощущалась в единых нормах языковой коммуникации, с характерным многоязычием и распространением некоего универсального *lingua franca* [15], в общегородских празднествах, универсальной системе светского образования в городе, к которой были причастны латиняне и греки, армяне и другие левантийцы, в способах фиксации в исторической памяти общезначимых свершений коммуны и др. По-видимому, эта оформившаяся к середине XV в. специфическая христианско-мусульманско-иудаистская целостность определила высокую жизнестойкость *цивитас* Кафы, история которой не прервалась с катастрофическими событиями 1453 и 1475 гг., и разнообразные памятники городской культуры, включая латинский эпиграфический мемориал, как бы магически защищенный «сельджукской» орнаментикой, сохранились до наших дней, несмотря на чинимые человеком и временем разрушения [16].

Основой такой целостности стала культура, которая, несмотря на известные проявления секуляризации, представляла собой смысловую совокупность средств к осуществлению некоей единой ценности, воспринимаемой независимо от конфессиональных и этносоциальных различий в качестве высшей и безусловной и заложенной во всяком вероисповедании, той ценности, которая может быть увидена в религиозном спасении. Вероятнее всего, этим качеством культуры средневекового города объяснялась, с одной стороны, толерантность христианской идеологии как доминирующей по отношению к другим и ее очевидная тоталитарность — с другой.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Belgrano L. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // *Atti della Societa di Storia Patria*. Genova, 1877. Vol. XIII. — Fasc. 1. P. 200-202; Musso G. G. Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc. XIV-XV). Roma, 1975. N 9; Origone S. Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 211.
2. Zaiaczkowski A. La chronique des steppes Kipchak «Tevarich-i Dest-i Qipcaq» du XVIIe siecle. Warszawa, 1956; Cazacu M., Kevonian K. La chute de Caffa en 1475 a la lumiere de nouveaux documents // *Cahiers du monde russe et sovietique*. P., 1976. An. XVII. N4. P. 495-538.
3. Balbi G. Il medioevo genovese tra Mediterraneo e Mar Nero // *Nuova rivista storica*. S. L., 1977. An. LXI. N 1-2; Pistarino G. Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // *Byzantino-bulgarica*. Sofia, 1981. Vol. VII. P. 43-73.
4. Bergdolt K. Gabriel de Mussis Placensis. Ystoria de morbe sive mortalitate quae fuit a. D. 1348 // *Die Pest 1348. in Italien: Funfzig zeitgenossische Quellen*. Heidelberg, 1989. S. 19-32.
5. Ibid. S. 19-20.
6. Ibid. S. 21.
6. Ibid. S. 22.
7. Predelli R. I libri commemoriali. Venezia, 1899. Vol. V. P. 212-213.
8. В особенности, см. блестящую работу: Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV-XVIII вв. Симферополь, 2001.
9. Origone S. Fonti genovesi per il soccorso di Caffa nel Quattrocento // *Bulgaria pontica medii aevi*, III. Sofia, 1992. P. 92.
10. Belgrano L. Seconda serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // *Atti della Societa Ligure di Storia Patria*. Genova, 1877-1884. Vol. XIII. P. 984-985.
11. Balard M., Laiou A. E., Otten-Froux C. Les italien a Byzance: Edition et presentation de documents. P., 1987. Vol. I. N 51.
12. Впрочем, существуют и иные суждения по этому поводу, см.: Бочаров С. Г. Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // *Stratum*. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 6.
13. Pesce G. Il castello genovese sulle monete medievali del Levante Latino // *Quaderni Ticinesi. Numismatica e antichita classiche*. Lugano, 1977. Vol. VI. P. 365-387.
14. Ср.: Costamagna G. Note di diplomatica comunale: Il «signum comunis» e il «signum populi» a Genova nei secoli XII e XIII // *Miscellanea di storia ligure in onore di G. Falco*. Milano, 1962. P. 105-115.
15. См.: Еманов А. Г. Левантийская лексика в нотариальных актах Кафы XIII-XV вв. // *Востоковедение*. СПб., 1993. Вып. XVIII. С. 164-172.
16. Почти на каждое сообщение о разрушениях в Кафе в XIV-XV вв. приходится свидетельство о нетронутости ее каменных строений, ср.: Muratori L. *Chronicum Danduli* // *Rerum italicarum scriptores*. Mediolani, 1723. T. XII. Col. 406-407; Idem. *Johannis Villani florentini Historia universalis* // *Rerum italicarum scriptores*. Mediolani, 1728. T. XIII. Col. 524; Kreutel R. F. *Vom Hirtenzelt zur Hohen Pforte: Fruhzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwurdigkeiten und Zeitlaufte des Hauses Osman vom Derwisch Ahmed, genannt Asik-Pasa-Sohn*. Graz; Wien; Koln, 1959. S. 257-259; Schreiner P. *Die Byzantinische Kleinchroniken*. Wien, 1975. T. I. S. 79, 82, 305, 390, 401, 408, 421, 454, 477, 533, 546, 556, 573, 581; 1977. T. II. S. 517-518.